

В тот момент, когда Яо Мосинь бросилась к Яо Сулуань, она была жестоко сбита ею и повалена на землю.

- Ох, ну что же, после все сказанного и сделанного, ты предоставила мне шанс ударить тебя, так что прими этот кинжал в качестве моей благодарности! От этого места пахнет кровью. Отвратительно. Сама выбирай, как умрешь! – вытащив из своего рукава кинжал, Яо Сулуань бросила его Яо Мосинь. Затем она прикрыла свой нос, бросив прощальный презрительный взгляд на ее смертельно бледное лицо, прежде чем уйти.

Железные оковы издали противный лязг, и двери Холодного Дворца прочно закрылись вновь. Яо Мосинь резко вонзила руки в землю, позволяя пальцам налиться болью, пока она молча ползла к ребенку, все тело которого было покрыто кровью.

- Чжун-эр, не бойся... не нужно бояться... Мама сейчас придет к тебе! Мама клянется, что больше никогда никому не позволит вновь издеваться над тобой... - кровавые слезы текли из уголков глаз Яо Мосинь. Она крепко обняла ребенка одной рукой, другой же медленно занесла кинжал. Ее глаза были укрыты одеялом крошечной тьмы.

- Е Хон И! Яо Сулуань! После своей смерти я стану злым духом, и я найду вас и заставлю оплатить все ваши долги предо мной...

Кровь, пузырясь и хлеща, окрасила ледяные кирпичи в алый цвет. Темно-красная кровь была подобна темным цветам, распустившимся в преисподней; в своей трагической красоте они были пронизаны чем-то жутким и суеверным.

Тела Яо Мосинь и младенца были крепко связаны друг с другом, в этой жизни никто их уже не мог разделить...

В великом имперском городе Чу, самой популярной была улица Синхуа. Она была наполнена потоками людей, стуком повозок, а обе стороны улицы были забиты чайными домами, тавернами, ломбардами, мастерскими и многочисленными рядами всяческих магазинов. Картина полного процветания.

Вся гигантская улица создала впечатление внушительной роскоши. Но никто бы не осмелился сравнить ее с двор Благоухающей Радости. Трехэтажное здание возвышалось над землей, увенчанное глазурованной черепицей, кроваво-красными карнизами. Гравюры украшали балки крыши, а рисунки – колонны, на которые опиралось здание; краски были великолепны и не могли не зацепить взгляд.

Это было место, где мужчины предавали роскоши, ослепительное место, украшенное картинами и золотом. Гигантское количество серебра было потрачено на строительство богатых особняков двора Благоухающей Радости. В дверях несколько очаровательных девушек с заметным количеством косметики на лице и наполовину обнаженными душистыми плечами непрерывно обмахивались шелковыми платками. От их кокетливых взглядов немало мужских ног тут же начинали обмякать.

Внутри двора Благоухающей Радости царствовали чарующие и нежные цвета весны, неограниченные в своей яркости, мужчины с синим и красным в каждой руке [1] в пьяном оцепенении. Двор Благоухающей Радости, казавшийся полным злата и нефрита во всем своем великолепии воистину был воплощением пословицы, описавшей бы его как позолоченный снаружи и потрепанный внутри.

[1] «с синим и красным в каждой руке» вполне может оказаться пословицей, которой не найти в словаре. Есть еще одна пословица, вполне близкая к этой: «сначала обнимаешь красную, затем синюю, компания для беседы, компания на ночь». То есть эскорт, работающий проститутками.

В настоящий момент внутренняя комната двора Благоухающей Радости превратилась в настоящий хаос.

- А-а-а... Ты пугаешь меня... Лю Син, спаси меня... больно... - на кровати лежала Яо Мовань, из уголков глаз которой брызнули слезы. Девушка изо всех махала своими белоснежными лотосоподобными руками, пытаясь сбросить мужчину, который сверху прижимал ее тело, но в следующий момент другой схватил ее за запястья, прижав их к ее голове.

- Вы, кучка животных! Отпустите третью госпожу! Проваливайте! - глаза человека по имени Лю Син были ярко-красными. Он поднял ногу, чтобы пнуть наемника, который тащил его, после чего резко развернулся, чтобы протянуть руку и стащить белые шелковые трусы гунцзы-ге [2] на пол. Затем он развернулся, чтобы ударить неотесанного мужика в глаз.

[2] 丐帮 «гунцзы-ге» называют богатого человека, который только ест, пьет и играет, ребенок, который даже не пытается выполнять свои обязанности.

- Третья госпожа, не бойтесь, пока Лю Син здесь, никто не посмеет над Вами издеваться! - Лю Син рукавом вытер кровавое пятно под носом. Несмотря на все раны на теле, он, как статуя, стоял перед Яо Мовань.

- Нелепо! Нападайте на него! Бэнь шао-е приказывает вам избить его до смерти! - гунцзы-ге с трудом натянул шелковые трусы обратно, представляя жалкую фигуру, затем указал на Лю Сина, издавая яростный крик. Услышав это, наемники тут же окружили Лю Сина, изо всех сил размахивая кулаками.

[5] 自勉 «бэнь» это обращение человека к самому себе, «шао-е» - обращение к молодому господину дома, также может относиться к сыну вашего начальника, либо к вашему сыну (уважительно).

- Не... не бейте его! Лю Син... Ва-а-а... - Яо Мовань с ужасом наблюдала, как Лю Сина толкнули на землю, после чего начали непрерывно бить и пинать. Девушка опрометчиво бросилась с кровати, чтобы оттащить наемников от слуги, но неожиданно была яростно отброшена в сторону одним из них. Ее тело, словно порванное крыло бабочки, с силой ударилось об угол кровати. Рука безвольно повисла. В итоге у нее перехватило дыхание.

Все были заняты Лю Сином. Даже гунцзы-ге в шелковых трусах присоединился к ним, чтобы избить его, никого не заботила ситуация Яо Мовань.

- Я убью вас всех! - Лю Син, которого избили до полусмерти, увидел, как Яо Мовань падает на пол, его сердце захватила тревога. Он внезапно встал в порыве безумного отчаяния, схватил ближайший стул и яростно бросил его на одного из наемников. Тот, захваченный врасплох, принял удар, и из раны хлынула кровь.

- Столь большая храбрость для собаки! Посметь причинить вред людям бэнь гунцзы! Забить его до смерти! – взревел разгневанный гунцзы-ге в шелковых трусах, и наемные головорезы окружили Лю Сина, и все вновь слилось в неразбериху.

- Так шумно... - Яо Мосинь, немного рассеянная, ощущая лишь боль во лбу, медленно открыла свои глаза. Взглянув на то, что творилось прямо перед ее глазами, Яо Мосинь ощутила что-то неопишное, после чего ее руки резко напряглись, словно она что-то вспомнила. Посмотрев вниз, она не увидела своего Чжун-эра.

- Третья госпожа! Бегите! Быстрее!.. – голова Лю Сина была разбита, из нее сочилась кровь. Он знал, что больше не протянет, потому кричал, словно от того зависела его собственная жизнь, надеясь, что Яо Мовань его услышит.

Яо Мосинь посмотрела в ту сторону, откуда раздавался голос, ошеломленная, видя лишь знакомый силуэт. Это Лю Син. Она вдруг отчетливо вспомнила, что во всем Яосян-фу [6], ее мэймэй была близка лишь с одним слугой. Но сейчас он...

[6] 〔фу〕 относится к резиденции целого клана; родительский дом Яо Мосинь называется «Яосян-фу» 〔家〕.

〔妹〕 «мэймэй» - младшая сестра.

- Ты! Как ты только что назвал меня? – Яо Мосинь в ужасе посмотрела на Лю Сина. В следующее мгновение она вдруг встала и подбежала туалетному столику, поднимая медное зеркальце.

«Мовань... Как такое может быть? Как это возможно?!» - Яо Мосинь схватилась за зеркальце так, словно от этого зависела ее жизнь, но неважно, под каким углом она смотрела на себя, все, что отображалось в зеркальце, было лицо Яо Мовань! Она уже умерла? Она все еще четко помнила тот озноб, когда ударила кинжалом себе в живот. Момент, когда она закрыла глаза, а лицо Чжун-эра, покрытое кровью, было последней вещью, которую она увидела.

<http://tl.rulate.ru/book/23253/480630>